

ДРАМАТИЧЕСКАЯ труппа Пражского Национального театра, которому скоро исполняется сто лет, в Ленинграде гастролирует впервые. Это ответный визит наших чехословацких друзей, недавно принимавших на своей сцене Академический театр драмы имени А. С. Пушкина. Визит гостей, несомненно, станет важным этапом в творческом содружестве деятелей искусства Праги и Ленинграда.

Национальный театр открыл гастроль драмой М. Горького «Мещане». Выбор этот глубоко закономерен. С именами русских драматургов, и прежде всего М. Горького, чехословацкий драматический театр связывает становление и развитие прочных основ реализма. Постановки социальных пьес М. Горького значительно обогатили опыт чешского театра, освоившего принципы социалистического реализма.

Драма «Мещане» в Чехословакии впервые увидела свет в октябре 1902 года на сцене Национального театра; это был год написания пьесы и первой ее постановки в Московском Художественном театре. Спектакль, осуществленный Я. Кляпикой при участии видных актеров, стал не только театральным, но и значительным общественным событием. В 1949 году известный режиссер И. Гонзал второй раз на этой сцене ставит драму М. Горького. И вот снова театр обращается к «Мещанам». Мирослав Махачек поставил спектакль с участием актеров среднего и молодого поколений.

Мирослав Махачек и художник Либор Фара не стре-

мются к буквальной точности в передаче обстановки и быта дома русского «зажиточного мещанина» начала века, как актеры не стремятся к раскрытию истоков именно русского мещанства той поры. Мещанство как явление социальное, неоднократно замечал и сам М. Горький, присутствующее не одному периоду истории и не одной какой-либо стране. При всей своей разнородности оно во многом универсально. Мещанская мо-

дого Петра Бессеменова, «бывшего гражданином полчаса», философия отца трансформируется в поведение сына.

От сцены истеричного протеста Петра (артист Олдриж Влчек), выступившего было против мещанской морали, до финального эпизода спектакля, когда он, хотя еще и робко, но спускается в гостиную отца, уже понимая, что иную атмосферу он не приемлет, пройдет почти три ча-

татели постоянно подслушивают, подсматривают друг за другом. Вот сам Бессеменов (артист Иозеф Керп) — высокий тощий старик, голос его порой срывается на писклявый крик — внезапно появляется в гостиной. Но внешность эта обманчива. Бессеменов — глаза и уши дома. Даже в двери его комнаты вмонтирован смотровой глазок. А за каждой из многочисленных плотных занавесок можно притаиться.

его и философская уверенность Тетерева (артист Честмир Ржанда) в бесперспективности существующего миропорядка. В сравнении с этими опасениями даже драма дочери Татьяны (артистка Сильва Турбова), страдающей после попытки покончить с жизнью, кажется Бессеменову эпизодом каким-то второстепенным, почти незначительным.

В сцене спора о правде, одной из самых значительных, кульминационных в спектакле, накал мыслей, страстей достигает предела. Видимость согласия, мираж благополучия — эти скорлупы идеалов мещанства — лопнули. Обнажился раскол. И началась непримиримая борьба противников. Мизансцены теряют свой былой спокойный рисунок. Ритм действия становится все более напряженным, атмосфера взрывчатой. Голоса звучат громко, нервно, подчас надрывно. Только Нил остается по-прежнему вдумчиво спокойным. Так же спокойно и уверенно он покинет дом Бессеменова, чтобы бороться против этого мира.

С уходом Нила, словно после грозы, наступает затишье, и обнаруживается, что остановились часы, мерный ход которых, казалось, должен был вечно и надежно отсчитывать время. Остановилось время. — Эта мысль испугает старика доведет его до панического страха. Но вот в его руках ключи от старого, проржавленного механизма часов. И снова, теперь со скрипом, натужно, они станут отсчитывать уходящее время Бессеменовых.

В. ПОТЕМКИН

— НА СЦЕНЕ — ГОСТИ —

УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ БЕССЕМЕНОВЫХ

раль исподволь разлагает моральные ценности, уничтожает нравственные идеалы. Мещанство может рядиться в различные одежды, даже проповедовать всевозможные благостные идеи, но истинная суть его всегда будет одинакова. Она — в стремлении укрепить устои жизни или же перекроить ее, но только во имя интересов собственных.

Добротный дом Бессеменова словно бы создан на века — прочно, основательно. Да, этот крепкий домик переживает его предыдущего хозяина, но переживет ли он Бессеменовскую философию, его проповедь домостроевских канонизации? Приобретя несколько иных оттенки, современная протестом моло-

са сценической жизни. За это время виток судеб героев приведет одних к уходу из мира Бессеменовых, в других зародит сомнение в прочности постулатов этой морали, третьи утвердятся в мысли, что жить в этом доме крепости все-таки надежнее, чем начинать жизнь новую, неизвестную, бороться за нее, и в этой борьбе что-то терять. К финалу произойдет размежевание людей и сил, которые, казалось, были крепко связаны друг с другом, неразделимы. И прочность этой крепости окажется под большим сомнением.

В постановке Пражского Национального театра дом Бессеменова словно бы населен привидениями. Его оби-

Подсмотреть, подслушать, чтобы все знать и суметь вовремя предотвратить надвигающуюся беду. Но нет, не устоять мещанству против влияния иных идей. Они зарождаются, зреют где-то рядом. Этими идеями овладеет уже приемный сын Бессеменова Нил, их знают «нахлебники» — учительница Цветаева и студент Шишкин, ими заражен даже Петр Бессеменов. Но опасней всех, конечно, Нил. Большая плотная фигура, уверенный голос, открытое лицо, ясность мысли придадут Нилу, каким его играет Лудек Мунзаров, вызывающую силу, уверенность в правоте своего дела, в будущем. Эта сила раздражает, злит и пугает Бессеменова. Настораживает